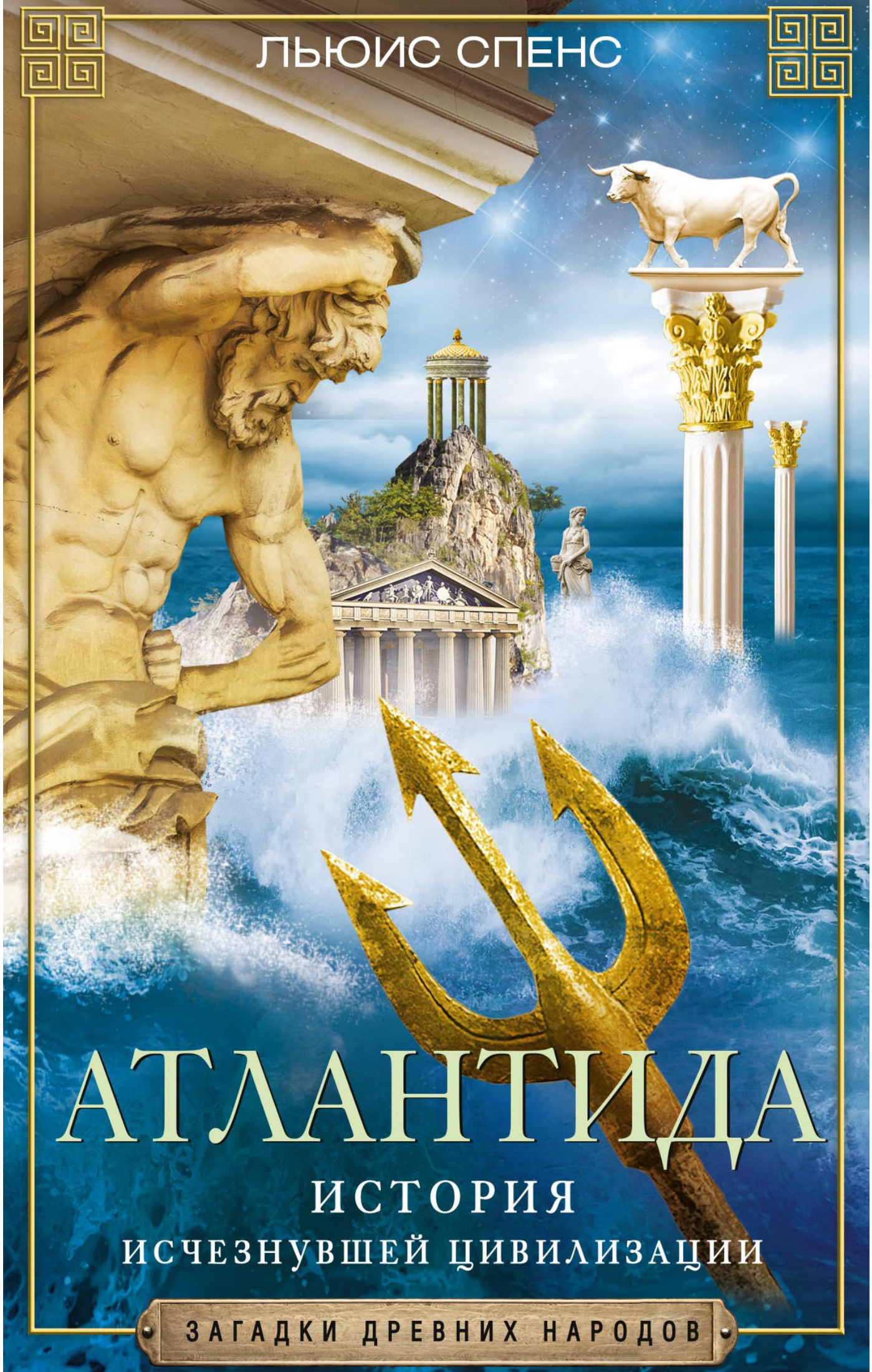

ЛЬЮИС СПЕНС

АТЛАНТИДА

ИСТОРИЯ
ИСЧЕЗНУВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Загадки древних народов

Льюис Спенс

**Атлантида. История
исчезнувшей цивилизации**

«Центрполиграф»

1927

УДК 94.3
ББК 63.3(0)

Спенс Л.

Атлантида. История исчезнувшей цивилизации / Л. Спенс —
«Центрполиграф», 1927 — (Загадки древних народов)

ISBN 978-5-227-09217-5

Книга Льюиса Спенса – это исследование тайн цивилизации, которая, как полагают, погрузилась в пучину океана более 11 тысяч лет назад. Ученый выдвигает основные версии и гипотезы существования Атлантиды как высокоразвитого государства с самобытной религией, традициями и культурой, простиравшего господство на все Средиземноморье. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94.3
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-227-09217-5

© Спенс Л., 1927
© Центрполиграф, 1927

Содержание

Введение	6
Глава 1. Письменные свидетельства Платона	9
Глава 2. Источники истории Атлантиды с IV столетия до н. э. и далее	17
Глава 3. Изучение исторических источников об Атлантиде	24
Глава 4. География Атлантиды	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Льюис Спенс
Атлантида. История
исчезнувшей цивилизации

© Перевод, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Введение

История Атлантиды должна отличаться от всех других историй по следующей фундаментальной причине: она стремится восстановить прошлое страны, земля которой недоступна для археологии. Если бы в результате какого-нибудь природного катаклизма Итальянский полуостров погрузился бы в лазурные воды Средиземноморья вскоре после падения Рима, мы все же располагали бы объемными документальными свидетельствами роста и возвышения Римской империи. В то же самое время для нас была бы навсегда потеряна земля, на которой эта империя процветала и на которой остались руины ее культуры и архитектуры, и нам оставалось бы только судить о ней по ее колониальным проявлениям. Мы по большей мере волей-неволей основывали бы наши представления о латинском наследии на изучении институтов, созданных империей в других землях, и традиций, сохранившихся после ее исчезновения среди окружающих Рим варварских народов.

Сколь бы ни были велики трудности, сопровождающие подобное предприятие, в действительности они не идут ни в какое сравнение с попытками разглядеть сквозь мглу времен очертания хроник и событий, хранящих память о цивилизации, которая погрузилась в пучину океана почти за девять тысяч лет до основания Вечного города. Столь сложная для историка задача могла бы смутить кого угодно. Затонувший Рим, разрушенные землетрясением Афины завещали бы грядущим поколениям тысячи подтверждающих их существование документов. Потонул бы за тысячу лет до Рождества Христова Вавилон или вся египетская долина – они все же оставили бы после себя свидетельства своей торговли со Средиземноморьем, их глиняная посуда и другие артефакты были бы найдены на Крите и на Кипре. Более того, позвольте напомнить, что сам район Ниневии был забыт и что еще столетие назад нам были известны только наиболее общие основы вавилонской и египетской истории, и их письменные иероглифы были тогда еще не расшифрованы. И тем не менее было бы правильно полагать, что археология, которая берется за детальное восстановление цивилизаций, ушедших в глубь времен, как в бездну океана, не в силах подступить к решению куда более запутанной проблемы – к реконструкции истории континента, погрузившегося на дно задолго до Древнего Египта.

Именно здесь необходимо сказать кое-что относительно собственных представлений автора о предмете исторической науки. Всем должно быть очевидно, сколь большую роль играло вдохновение в распутывании археологических проблем в течение прошлого столетия. Именно благодаря вдохновению, ровно настолько, насколько и элементарной учености, были разгаданы иероглифы Египта и клинопись Вавилона. Не вдохновение ли указало Шлиману точное расположение Трои прежде, чем он раскопал ее? Вдохновение – воистину метод археологии будущего. Унылая школа измерений, исполненная как легковерия, так и скептицизма, обречена.

Аналогия – инструмент вдохновения, способный дать потрясающие результаты, если его верно применять. Уже сейчас результаты археологии и фольклора почти полностью зависят от аналогий. Только благодаря сравнению мы можем пролить свет на природу необъясненных обычаев и предметов, и в этой работе будет в значительной степени использоваться метод аналогий, потому что именно с помощью этого исследовательского зонда мы можем проникнуть сквозь твердый панцирь забвения, скрывающий факты из истории Атлантиды.

Факты! Есть ли у нас вообще какие-нибудь факты, касающиеся Атлантиды? И само название, «История Атлантиды», не оскорбляет ли интеллект большинства читателей? Если читатель, добравшийся до конца этой книги по прочтении последней страницы не согласится, что описанный Платоном остров-континент действительно существовал, то он по крайней мере будет заинтересован самим предметом обсуждения и признает, что гипотеза об Атлантиде имеет право на существование. Но автор твердо убежден, что предание об Атлантиде основано

на бесспорных фактах, и считает, что перед лицом такого множества доказательств, соединенных в этом исследовании, было бы просто несерьезным ребячеством не верить в основные детали истории, рассказанной Платоном.

В подтверждение этому можно сказать, что данное исследование базируется на материале исторических свидетельств или преданий, почерпнутых из древнейших источников; оно предоставляет возможности для сравнения географии, обычаев и религии Атлантиды с географией, обычаями и религиями соседних регионов. Можно, например, взять рассказ Платона об Атлантиде и по пунктам сравнить приведенные там свидетельства с соответствующими данными истории и археологии, что в результате приведет к полному подтверждению этого рассказа.

И позвольте сразу же заметить, что Платон не вкладывал в свой рассказ ни аллегорического, ни мифологического смысла. Есть все основания считать его рассказ в большей степени опирающимся на факты, чем, например, «*Historia Britonum*» Джеффри Монмута, в которой чистая руда истории содержит изрядную примесь легенд. Платон, бесспорно, позаимствовал эту историю из египетских источников, и причин ставить под сомнение честность его рассказа не больше, чем сомневаться в правдивости любого другого античного источника, в котором история окутана дымкой мифологии.

Предание, как это теперь признается, если использовать его с достаточной осторожностью, может предоставить историку данные, столь же заслуживающие доверия, как и лучшие документально заверенные исторические свидетельства. Еще недавно мы могли наблюдать, как фигура нашего британского Артура, некогда тусклая и таинственная, постепенно сбросила с себя покровы легенд и приобрела человеческие качества и черты. Были времена, когда Менес, первый царь I династии Египта, считался мифической личностью, в то время как сейчас известно, что он действительно существовал и имел довольно многочисленных предшественников. Не далее как в этом месяце, когда в Сирии писались эти строчки, поступили удивительные свидетельства о находке скульптурной головы Христа, датируемой II столетием, которые полностью разбивают аргументы тех, кто стремился доказать мифическую природу нашего Спасителя. В этом месяце также было окончательно доказано, что останки Петра и Павла в действительности покоятся под фундаментом собора Святого Петра в Риме. Все мы вспоминаем, как смеялись над «мифическим» окапи сэра Гарри Джонстона, прежде чем он был найден, убит и выставлен на всеобщее обозрение. А как мы иронизировали по поводу гигантского ленивца Хескета Притчарда до тех пор, пока этот знаменитый путешественник не обнаружил большой кусок его хорошо сохранившейся кожи в Патагонии. Все это было «мифом» для одних и правдой для других.

Сама идея Атлантиды, описанной Платоном, подвергалась насмешкам многих поколений археологов просто потому, что не было никакого прямого документального подтверждения ее существования. Но разумно ли ожидать прямого документального свидетельства, касающегося цивилизации, которая полностью исчезла более одиннадцати тысяч лет назад? Совершенно очевидно, что доказывать существование такой культуры нужно другими средствами. Находим ли мы в странах, которые, судя по всему, граничили с Атлантидой, следы этой цивилизации, как кратко замечает об этом Платон? Цель этой книги как раз и состоит в том, чтобы попробовать доказать это. В заключительной главе будет показано то, что автор назвал «комплексом Атлантиды», – специфический набор традиций, обрядов и обычаев, которых в сочетании с местными условиями мы не найдем ни в какой другой части земного шара, кроме пространства, простирающегося между берегами Западной Европы и Восточной Америки. В прибрежных областях этих регионов и в их изолированных отдаленных поселениях обнаруживается культурный комплекс, самостоятельное существование которого ясно показывает, что корни его тянутся в ныне не существующие области Атлантики.

Именно таким методом следует изучать цивилизацию Атлантиды, и только так может быть в конечном счете доказано ее существование. Теория Атлантиды претерпела значительный ущерб от грубого напора энтузиастов и, возможно, подчас слишком восторженных заявлений самого автора. Но приближаться к этой предыстории, используя археологический подход, представляется тщетным и бесполезным делом, поскольку, как я уже сказал, проблема такой тонкости и экстраординарной сложности может быть когда-либо распутана с помощью воображения и вдохновения. Большие археологические открытия на земле часто делались случайно, как, например, в случае эпохальной находки в Кроманьоне и Мас-д'Азиль. Но ждать от океана, чтобы он извергнул свои тайны, можно целую вечность. Пожелайте же, чтобы археолог, будь он профессионал или же любитель, не смотрел слишком недружественно на исследования, все еще ищущие свои методы, разрушающие многие предрассудки и грешащие недостатком эмпирицизма, до тех пор, пока не найдутся подходящие для этой особенной задачи инструменты. Ни один ученый не иронизирует теперь над невообразимыми методами, благодаря которым поколения алхимиков создавали химическую науку и привели ее на священный пьедестал точных наук. По аналогии вполне можно допустить, что история Атлантиды все еще находится в «алхимической» стадии. Профессиональный археолог в этой истории может сталкиваться с сотней вещей, которые он не любит и презирает. Возможно, он будет отрицать и само название исследования. Если он это сделает, я не буду испытывать сильного смущения, поскольку я убежден, что самое дикое предположение часто бывает столь же близко к цели, как и наиболее осторожное утверждение, когда мы имеем дело с такими глубокими проблемами. Я не стал бы утверждать, что желаю умножить или поощрить метод случайности в специфической сфере археологии Атлантиды, но я весьма симпатизирую другу Эдисона, который, когда изобретатель ему сказал, что не существует никакого растворителя для мочевой кислоты, вернулся в свою лабораторию, смешал все препараты, содержащие яды, и обнаружил, что одиннадцать из них все-таки растворяют ее!

Это все, что касается метода. Теперь мы должны рассмотреть сам рассказ Платона об Атлантиде и затем сравнить его с другими более поздними классическими аллюзиями о таинственном острове-континенте в Атлантике.

Глава 1. Письменные свидетельства Платона

Диалоги Платона «Тимей» и «Критий» составляют не только самые полные, но и наиболее важные исторические свидетельства об Атлантиде, которыми мы обладаем. Поскольку доступные переводы тех мест в работах Платона, которые имеют ссылку на Атлантиду, как мне кажется, оставляют желать много лучшего, я тщательно скомпилировал их новую версию, базируясь в «Тимее» на переводах Джоветта («Диалоги Платона») и Р.Д. Арчера Хинда и в «Критии» на переводе Эбби Жолибо («Dissertation sur l'Atlantide») и превосходном французском переводе П. Негри («La question de l'Atlantis de Platon»). Благодаря осторожному сопоставлению этих переводов, я полагаю, составил текст, который будет полезен исследователям проблемы Атлантиды больше, чем любой из существующих ныне переводов на английский. Этот текст следует расценивать не как перевод, а скорее как компиляцию переводов Платона, касающихся Атлантиды. В то же самое время я соблюдал всю должную осторожность, чтобы избежать любого искажения оригинала, который в последующих страницах не предоставлен во всей его полноте, хотя и ни один важный факт мной не опущен.

Работа Платона «Тимей» написана в форме диалога. Сократ, Гермократ, Критий и Тимей собрались для философской беседы, и Сократ напоминает Критию, что он обещал им рассказать историю, которая могла бы быть подходящей «для праздника богини».

Гермократ. Конечно же, Сократ, как сказал наш Тимей, у нас не будет недостатка в усердии, да мы и не нашли бы никакого себе извинения, если бы отказались. Ведь и вчера, едва только мы вошли к Критию, в тот покой для гостей, где и сейчас проводим время, и даже на пути туда, мы рассуждали об этом самом предмете. Критий тогда еще сообщил нам одно сказание, слышанное им в давнее время. Расскажи-ка его теперь и Сократу, чтобы он помог нам решить, соответствует ли оно возложенной на нас задаче или не соответствует.

Критий. Так и надо будет сделать, если согласится Тимей.

Тимей. Конечно, я согласен.

Критий. Послушай же, Сократ, сказание хоть и весьма странное, но, безусловно, правдивое, как засвидетельствовал некогда Солон, мудрейший из семи мудрецов. Он был родственником и большим другом моего прапрадеда Дропида, о чем сам неоднократно упоминает в своих стихотворениях; а Дропид передал это моему деду, Критию, который в свою очередь повторял это нам, – что в Афинах в древности совершались великие и достойные удивления дела, которые были потом забыты по причине бега времени и смены поколений; величайшее из них то, которое сейчас нам будет кстати припомнить, чтобы сразу и отблагодарить тебя, и почтить богиню в ее праздник достойным и правдивым хвалебным гимном.

Сократ. Прекрасно. Однако что же это за подвиг, о котором Критий со слов Солона рассказывал как о замалчиваемом, но действительно совершенном нашим городом?

Критий. Я расскажу то, что слышал как древнее сказание из уст человека, который сам был далеко не молод. Да, в те времена моему деду Критию было около девяноста лет, а мне – около десяти. Мы тогда как раз отмечали «день детей» на празднике Апатурии¹, и по установленному обряду для нас, мальчиков, наши отцы раздавали награды за чтение стихов. Много звучало творений разных поэтов, в том числе многие мальчики исполняли стихи Солона, которые в то время были еще новинкой. И вот один из членов фратрии, то ли впрямь по убеждению, то ли думая сделать приятное Критию, заявил, что считает Солона не только мудрейшим из людей, но еще и величайшим поэтом. Старик очень обрадовался и сказал, улыбнувшись: «Да, Аминандр, если бы он еще занимался поэзией не урывками, а всерьез, как другие, и если бы он довершил сказанное, привезенное им сюда из Египта, и не забросил бы по причине неурядиц, с

¹ Апатурия – праздник в честь Дионисия, отмечаемый в октябре, на котором происходила инициация юношества.

которыми столкнулся по возвращении на родину, то я полагаю, что тогда ни Гесиод, ни Гомер, ни какой-либо иной поэт не мог бы превзойти его своей славой». «А что это было за сказание, Критий?» – спросил Аминандр. «Оно касалось, – ответил дед, – величайшего из деяний, когда-либо совершенных нашим городом, которое заслуживало бы стать и самым известным из всех, но по причине времени и смерти, совершивших его, рассказ о нем до нас не дошел». «Расскажи с самого начала, – попросил Аминандр, – при каких обстоятельствах и от кого слышал Солон то, что рассказывал как истинную правду?» «Есть в Египте, – начал Критий, – у вершины Дельты, где Нил расходится на отдельные потоки, ном, именуемый Саисским; главный город этого нома – Саис, откуда, между прочим, был родом царь Амасис. Покровительница города – некая богиня, которая по-египетски зовется Нейт, а по-эллинически, как утверждают местные жители, это Афина: саисяне весьма дружелюбно расположены к афинянам и притязают на некое родство с ними».

Солон рассказывал, что, когда он в своих странствиях прибыл туда, его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих среди жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов почти ничего об этом не знают. Однажды, вознамерившись перевести разговор на старые предания, он попробовал рассказать им наши мифы о древнейших событиях – о Форонсе, почитаемом за первого человека, о Ниобе и о том, как Девкалион и Пирра пережили потоп; при этом он пытался вывести родословную их потомков, а также исчислить по количеству поколений сроки, истекшие с тех времен. И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма преклонных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» – спросил Солон. «Все вы юны умом, – ответил жрец, – ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот такая: уже были и еще будут многократные случаи гибели людей, самые страшные из них – из-за огня и воды, но есть среди них и другие, менее значительные. Отсюда и распространенное также у вас сказание о Фазтоне, который будто бы некогда запряг отцовскую колесницу, но не смог направить ее по отцовскому пути, а потому спалил все на Земле и сам погиб, испепеленный молнией.

Положим, это сказание похоже на миф, но в нем содержится и правда: и в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому время от времени все на Земле гибнет от великого пожара. В такие времена обитатели гор и возвышенных либо сухих мест подвержены более полному истреблению, нежели те, кто живет возле рек или моря; а потому постоянный наш благодетель Нил избавляет нас и от этой беды, разливаясь, но когда же боги, творя над Землей очищение, затопляют ее водами, уцелеть могут волопасы и скотоводы в горах, между тем как обитатели ваших городов оказываются унесенными потоками в море, но в нашей стране вода ни в такое время, ни в какое-либо иное не падает на поля сверху, а, напротив, по природе своей поднимается снизу. По этой причине сохраняющиеся у нас предания древнее всех, хотя и верно, что во всех землях, где тому не препятствует чрезмерный холод или жар, род человеческий неизменно существует в большем или меньшем числе. Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в Афинах, в Египте или в любой другой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и других прочих народов всякий раз, как только успеет сложиться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих².

² Говоря о разрушении древних записей, жрец имеет в виду землетрясения и потопа. Египтяне были защищены от обеих

Взять хотя бы эти ваши родословные, Солон, которые ты только что излагал, ведь они почти ничем не отличаются от детских сказок, так вы прежде всего храните память только об одном потоке, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране. Ты сам и весь твой город происходят от тех немногих, кто остался из этого рода, но вы ничего о нем не ведаете, ибо их потомки на протяжении многих поколений умирали, не оставляя никаких записей и потому как бы безмолвствуя. Между тем, Солон, там, где ныне стоят Афины, задолго до самого большого и разрушительного наводнения существовало государство, было оно первым в военной доблести, и совершенство его законов стояло выше всякого сравнения; предание приписывает ему такие деяния и установления, которые прекраснее всего, что мы когда-либо слышали». Узнав это, Солон, по собственному его признанию, был поражен и горячо упрасивал жрецов со всей обстоятельностью и по порядку рассказать об этих древних афинских гражданах.

И жрец ответил ему: «О, Солон, я все расскажу ради тебя и вашего государства, но прежде всего ради той богини, что получила в удел, взрастила и воспитала как ваш, так и наш город. Однако Афины она основала на целое тысячелетие раньше, восприняв ваше семя от Геи и Гефеста, а наш – позднее. И дата основания нашего отражена в священных записях, сделанных восемь тысячелетий назад, а для афинян эта исчисляется девятью тысячами лет. Я вкратце расскажу тебе об их законах и величайших подвигах. Позднее, на досуге, мы по порядку рассмотрим, насколько они правдивы. Законы своих предков ты можешь представить себе, сравнивая со здешними: ты найдешь ныне в Египте множество установлений, принятых в те времена у вас, и прежде всего обособленное от всех прочих сословие жрецов, затем сословие ремесленников, где каждый занимается своим ремеслом, ни с кем больше не общаясь, а также сословия пастухов, охотников и земледельцев; и еще воинское сословие, как ты, должно быть, сам заметил, тоже отделенное от прочих, и его членам закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны.

Добавь к этому, что снаряжены воины щитами и копьями, этим оружием одарила людей богиня, и мы ввели его у себя первыми в Азии³, как вы – первыми в ваших землях.

Что касается умственных занятий, ты и сам видишь, как тщательно наш закон вырабатывал основополагающие принципы – от законов природы до божественных наук и медицины, этого искусства врачевания, добавляя полезное и всем другим наукам. Такой порядок богиня еще раньше ввела и у вас, устроив ваше государство, а начала она с того, что отыскивала для вашего рождения такое место, где под действием мягкого климата вы рождались бы разумнейшими на Земле людьми. Будучи покровительницей войны и мудрости, богиня избрала такой край, который обещал породить людей, похожих на нее саму, и там она вас и расселила. И вы стали жить там по тем законам, о которых я говорил, и даже еще лучше, и превосходили всех людей добродетелью. Из великих деяний вашего государства немало таких, которые известны по нашим записям и служат предметом восхищения; однако среди них есть одно, которое превышает величиим и доблестью все остальные. Ведь согласно нашим записям государство ваше положило предел дерзости несметных воинов, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, державших путь от Атлантического океана.

Ведь в те времена через это море можно было переправиться, ибо за проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами, еще находился остров. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию⁴, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов – на весь противолежащий материк, замыкающий то море, что и впрямь заслуживает такое название. Ведь море по эту сторону

катастроф Нилом и отсутствием дождей – их население постоянно, и их памятники и сочинения не подвержены гибели. Ничего такого, конечно, нельзя сказать о Греции.

³ Во времена Платона Египет считался частью Азии. В действительности обо всей Африке говорили как о части Азии.

⁴ Платон имеет в виду, конечно, Северную Африку и Малую Азию.

упомянутого пролива – всего лишь залив с узким входом, тогда как по ту сторону пролива простирается море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком. На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, и возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась не только на весь этот остров, но и на многие другие острова, а также на часть материка, а сверх того восточнее пролива они правили Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Этрурии. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом свергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: превосходя всех твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, потом, когда союзники отошли, боролось в одиночестве и, терпя страшные неудачи, все же одолело завоевателей и торжествовало над ними.

Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, обитавших по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными. Но позднее, когда пришел срок невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров». Ну вот я и пересказал тебе, Сократ, как возможно короче то, что передавал со слов Солона старик Критий. Когда ты вчера говорил о твоём государстве и его гражданах, мне вспомнился этот рассказ, и я с удивлением заметил, как многие твои слова по какой-то поразительной случайности совпадают со словами Солона.

Но тогда мне не хотелось ничего говорить, ибо по прошествии столь долгого времени я недостаточно помнил содержание рассказа; поэтому я решил, что мне не следует говорить до тех пор, пока я не припомню всего с должной обстоятельностью. И вот почему я так охотно принял на себя те обязанности, которые ты вчера мне предложил: мне представилось, что если в таком деле важнее всего положить в основу речи согласный с нашим замыслом предмет, то нам беспокоиться не о чем. Как уже заметил Гермократ, вчера, едва уйдя отсюда, я в беседе с ним сразу же начал припоминать суть дела, а потом, оставшись один, восстанавливал в памяти подробности всю ночь напролет и вспомнил почти все.

Справедливо изречение, что заученное в детстве куда как хорошо держится в памяти. Я совсем не уверен, что мне удалось бы полностью вспомнить то, что я слышал вчера; но вот если из этого рассказа, слышанного мною давным-давно, от меня хоть что-то ускользнет, я буду удивлен. Ведь в свое время я выслушивал все это с таким истинно мальчишеским удовольствием, а старик так охотно отвечал на мои всегдашние расспросы и все разъяснял, что рассказ неизгладимо запечатлелся в моей памяти, словно выжженная огнем по воску картина, которую нельзя стереть. А сегодня рано поутру я поделился рассказом вот с ними, чтобы им тоже, как и мне, было о чем поговорить. Итак, чтобы наконец-то дойти до сути дела, я согласен, Сократ, повторить мое повествование уже не в сокращенном виде, но со всеми подробностями, с которыми я сам его слышал. Граждан и государство, что были тобою вчера нам представлены как в некоем мифе, мы перенесем в действительность и будем исходить из того, что твое государство и есть вот эта наша родина, а граждане, о которых ты размышлял, суть вправду жившие наши предки из рассказов жреца.

Соответствие будет полное, и мы не погрешим против истины, утверждая, что в те-то времена они и жили. И, поделив между собой обязанности, мы попытаемся сообща должным образом справиться с той задачей, что ты нам поставил. Остается только решить, Сократ, по сердцу ли тебе такой предмет, или вместо него нужно искать какой-либо иной.

Сократ. Да что ты, Критий, какой же предмет мы могли бы предпочесть этому? Ведь он как нельзя лучше подходит к священнодействиям в честь богини, ибо сродни ей самой; притом

важно, что мы имеем дело не с вымышленным мифом, но с правдивым сказанием. Если мы его отвергнем, где и как найдем мы что-нибудь лучше? Это невозможно. Так в добрый час! Начинайте, а я в отплату за мои вчерашние речи буду молча вас слушать⁵.

На этом мы распрощаемся с Тимеем.

Следующая работа Платона, в которой упоминается Атлантида, – его диалог «Критий», представляющий собой рассказ этого самого Крития об условиях жизни в Атлантиде, пересказанный его прапрадеду Дропиду Солоном⁶. За девять тысяч лет до времен Солона, или приблизительно в 9600 году до н. э., произошла война между народами в пределах Геракловых столпов и вне них. Афины возглавили восточные народы, цари острова Атлантида повели за собой западные. Атлантида была островом по площади больше, чем Азия (Малая Азия) и Ливия (Северная Африка), вместе взятые, но она была поглощена сотрясением земли, и ее расположение отмечено ныне опасными пльвунами, которые делают море в этой области несудоходным.

В эту древнюю пору Афины владели бескрайними землями, их поля были плодородны, а жители многочисленны. Что же касается жителей Атлантиды, Критий объясняет своим слушателям, что он должен перевести имена их героев на греческий язык. Солон, который написал их историю в стихах, обнаружил, что жрецы Саиса уже придали этим именам египетское звучание. Так что он мог позволить себе подобную же свободу, при сохранении значения их имен. У его предка этот рассказ был записан в письменной форме, но ему, Критию, приходилось полагаться на собственную память, повествуя о том, что он слышал в детстве и что произвело на него глубокое впечатление.

Боги разделили всю землю на владения – одни побольше, другие поменьше. Так и Посейдон, или Нептун, получил в удел остров Атлантида и населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины. На острове этом не было гористых берегов, от моря и до середины его простиралась равнина – по преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла невысокая гора. На этой горе жил один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землею, по имени Евенор, и с ним жена Левкиппа, от которой у него была дочь по имени Клейто. После смерти родителей Посейдон совратил эту девушку и укрепил холм, на котором она обитала, огородив его попеременно насыпями и рвами. Насыпей было две, рвов – три, они были заполнены морской водой и расположены на равном расстоянии друг от друга, что делало гору неприступной, ибо кораблей и судоходства тогда еще не было. Посейдон также сотворил на острове два родника – один горячий, другой холодный, – отчего земля стала плодороднее. Там бог произвел на свет пять пар близнецов мужского пола. Он взрастил их и поделил весь остров Атлантида на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения, как наибольшую и наилучшую долю, а остальным сыновьям дал землю в других частях Атлантиды и наделил властью над разными народами. Имена же всем он нарек вот какие: старшему и царю он дал то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто первым получил тогда царство, было Атлас. Близнецу, родившемуся сразу после него и получившему в удел крайние земли острова со стороны Геракловых столпов вплоть до нынешней страны гадиритов, называемой по тому уделу, было дано имя, которое можно было бы передать по-эллиински как Эвмел, а на туземном наречии – как Гадир. Из второй пары близнецов он одного назвал Амфиром, а другого Эвемо-

⁵ Критий хочет сказать, что он был поражен, насколько описание идеального государства у Сократа походит на Афины, изображенные в истории Солона. Таким образом он попытался вспомнить все обстоятельства этой истории в надежде, что это поможет Сократу в его примере воображаемого Содружества наций. После этого Критий переходит к изложению устройства Вселенной в сравнении с созданными человечества.

⁶ На самом деле это является расширенным вариантом рассказа Крития об Атлантиде в «Тимее».

ном, из третьей пары – старшего Мнесеем, а младшего Автохтоном, далее – Эласипп и Местор, Азаэс и Диапреп. Все они в течение многих столетий благополучно правили на острове, создав посреди океана сильную державу и распространив свою власть на многие другие земли вплоть до Египта и Тиррении.

Род Атласа долгие века бесспорно господствовал на острове. Старейший всегда был царем и передавал корону старшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду. Они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было все необходимое, приготовляемое как в городе, так и по всей стране. Многие ввозили они из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров – прежде всего любые виды камня и минералов, и в их числе так называемый орихалк (горная медь), минерал по ценности своей уступавший тогда только золоту. Лес, имевшийся на острове в изобилии, поставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных и даже слонов, которых на острове водилось великое множество, – всем вдоволь хватало корму на болотах, озерах и реках, на горах или равнинах. Земля одаривала богатством: кореньями, травами, древесиной, смолами, цветами, плодами, сладким виноградом, зерном и овощами. Кроны деревьев укрывали от палящих лучей солнца счастливый народ; фрукты утоляли голод и жажду, а один особенный фрукт с твердой кожурой давал и мякоть, и сок, и масло. Одним словом, на этом острове, которому суждено было так несчастливо исчезнуть, имелось все, чтобы насытить и тело, и дух да еще и умастить своими приношениями богов. Пользуясь этими дарами земли, жители Атлантиды отстроили святилища и дворцы, перебросили мосты через водные кольца, трижды опоясавшие древнюю столицу, а еще они построили мост от дворца к морю. Принимая дворец в наследство, каждый царь все более расширял и украшал его, сию же превзойти предшественника, пока в конце концов не было создано поразительное по величине и красоте сооружение. От моря они провели канал в 300 футов шириной и 100 футов глубиной и около 60 миль в длину. Этот канал был судоходен, и на нем выстроили гавань для больших судов. Вблизи мостов они прорыли каналы такой ширины, чтобы от одного водного кольца к другому могла пройти одна триера или трехпалубная галера: высота мостов над поверхностью моря была достаточной для этих простых судов. Самое большое по окружности водное кольцо, непосредственно соединявшееся морем, было 1800 шириной, следующее за ним – 1200 футов, а третье, вплотную окружавшее остров, – 600 футов. Этот остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев, или 1000 ярдов в диаметре; остров, а также окружающие его земляные кольца были окружены каменными стенами, и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Ширина моста у главных ворот составляла около 100 футов. Черный и красный камень для колонн они добывали в каменоломнях острова. На стенах, охватывающих внешнюю зону, было легкое медное покрытие, а внутреннюю стену покрывали пластины олова, стены же самой цитадели были покрыты орихалком. Внутри обиталище царей было устроено следующим образом. В самом средоточии сверкало золотом недоступное святилище Клейто и Посейдона – здесь потомки первых жителей Атлантиды каждый год приносили свои жертвы богам. Храм Посейдона имел 600 футов в длину, пропорциональную этой длине высоту и площадь в три акра. Вся внешняя поверхность храма была выложена серебром, акротерии же сверкали золотом; внутри приковывал взгляд потолок из слоновой кости, изукрашенный золотом, серебром и орихалком, а стены и полы сплошь были выложены орихалком. Стояли там и изваяния из чистого золота: сам Посейдон на колеснице, запряженной шестью крылатыми конями, вокруг него 100 nereид на дельфинах, а также и много других статуй, изобразивших принцев и принцесс царского рода и жертвенные подарки царей и населения империи. Жертвенный алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности, как с величием державы, так и с убранством святилищ. В различных частях города били горячие источники

и фонтаны, которые давали воду в изобилии. Были построены большие купальни, открытые и под крышей, а еще горячие купальни на зиму, причем отдельно для царей, отдельно для женщин и даже для коней и прочих домашних животных. Каждая купальня соответствовала положению тех, для кого она была сооружена. В каждой городской зоне были множество святилищ различных богов, бесчисленные сады и гимнасии. Посредине центрального острова был устроен ипподром диаметром 600 футов. По обе стороны его располагались помещения для многочисленных царских сановников и стражников. Царские стражники размещались ближе к дворцу, вокруг горы, на которой он стоял, а самым надежным были поручены помещения внутри дворца, рядом с покоями царевичей. Верфи были заполнены триерами и всеми необходимыми для плавания снастями.

За воротами внешней зоны от самого моря начиналась стена, которая опоясывала остров с его зонами на протяжении 9000 футов и смыкалась около канала. Пространство внутри нее было возделано, а со стороны, обращенной к морю, располагались виллы и склады. Гавань была заполнена кораблями, на которых отовсюду прибывали купцы, и притом в таком множестве, что днем и ночью слышались говор, шум и стук. С берега остров представлял гористую местность, особенно со стороны, открытой морю. Равнина, окружавшая город царей, и сама, за исключением побережья, окруженная горами, которые тянулись до самого моря, являла собой ровную гладь. Только возвышенности на этой равнине подвергались разрушительному действию ветра. Весь остров был обращен к югу⁷. Предание воспеваает эти горы за то, что они по своему обилию, величине и красоте превосходили все нынешние: там было немало многолюдных селений, были реки, озера и луга, доставлявшие пропитание всем домашним и диким животным, а равно и огромные леса, богатые разнообразными породами деревьев, в изобилии доставлявшие древесину для любого дела. Остров имел продолговатую форму, хотя после прорытия канала она несколько изменилась. Если указать глубину, ширину и длину этого канала, никто не поверит, что такое могли сотворить руки человеческие. Протянувшийся более, чем на 1000 миль, он принимал в себя все горные потоки, что перечеркивали весь город каналами поменьше, и нес свои воды дальше в море. Его притоки служили водными путями, по ним сплавляли лес и собранный урожай. Земля давала в год по два урожая – и всевозможных фруктов, и зерновых. Зимой боги защищали землю от дождей и наводнений.

Равнинная часть острова поставляла государству 60 000 воинов; страна была поделена на округа площадью примерно по 12 квадратных миль, и каждый из них снаряжал свое войско и назначал командующего. Горные части страны поставляли неисчислимое количество ратников. По закону глава каждого округа в случае необходимости должен был поставить десять колесниц, запряженных двумя лошадьми, с двумя воинами и возницей, который в случае необходимости позволил бы им участвовать в пешем бою. Глава округа также был обязан обеспечить десять тяжело вооруженных пеших воинов, двух лучников, двух пращников, трех камнеметателей и четырех моряков – последних для укрепления боевой мощи флота, насчитывающего 20 000 судов. Все это относилось к царским вооруженным силам Атлантиды. Остальные девять частей империи имели собственные военные структуры.

Каждый из десяти царей был абсолютным монархом в своей части острова, отношения же между ними строились согласно предписаниям древних правителей Атлантиды, выгравированным на колонне из орихалка, что стояла в самом сердце острова в храме Посейдона. Один раз в шесть лет они собирались там, чтобы обсудить общественные проблемы и решить насущные вопросы, рассудить споры и наказать виновных. Прежде чем начать судебное разбирательство, в святилище вводили десять быков, и каждый из царей обещал пожертвовать Посейдону быка, которого следовало убить, не применяя железного оружия. Захватив животных, они подводили их к колонне и приносили в жертву. По окончании этой церемонии цари

⁷ Видимо, речь идет о том, что с юга была выходящая к морю равнина, а с севера ее окружали горы. (Примеч. ред.)

бросали останки быков в огонь, отведав попутно их крови, и пропитывали этой же кровью колонну. Позже они наполняли остатками крови маленькие чаши из золота и выплескивали ее в костер; при этом они клялись вершить суд согласно законам, выгравированным на колонне, и наказывать преступников в соответствии с заветами их прародителя Посейдона.

Затем они выпивали остатки крови и жертвовали золотую чашу Посейдону. Наступала ночь. Облаченные в богатые синие одежды, они возвращались в храм, садились и держали совет, который прекращался только на рассвете. Затем они записывали принятые решения на золотой табличке, которую оставляли в храме вместе со своим облачением на память будущим поколениям.

Им запрещалось воевать друг с другом, а детям Атласа всегда предоставлялось главенство во всех военных делах. Выносить смертный приговор кому-нибудь из членов своей семьи можно было, только заручившись преимуществом в шесть голосов совета. Столь великую и необычайную мощь, пребывавшую некогда в тех странах, бог устроил там и, согласно преданию, направил против наших земель по следующей причине.

На протяжении многих столетий они помнили о своем августейшем происхождении, соблюдали все законы и почитали богов – своих предков. В их сердцах царила искренность. Умеренность и благоразумие руководили их поведением и отношением к другим народам, и пока они так жили, все шло хорошо. Но с течением времени превратности жизни мало-помалу извратили их благородные помыслы, и они стали вести себя как все остальные дети человеческие. В них заговорило тщеславие, и править они стали, опираясь на силу.

И тогда Зевс, бог всех богов, решил наказать эту столь благородную расу с тем, чтобы печальный опыт помог им умерить непомерное честолюбие. Он собрал совет на Олимпе и обратился к ним, сказав...

Здесь рассказ Платона обрывается. Считается, что причиной тому была его смерть.

Глава 2. Источники истории Атлантиды с IV столетия до н. э. и далее

Диодор Сикул, историк из города Агириум в Сицилии, творивший во времена императоров Юлия Цезаря и Августа, подарил нам почти столько же ценной информации относительно Атлантиды и ее истории, сколько и сам Платон. Его «Историческая библиотека» – всеобщая история, как ее представляли себе в то время, с самых ранних эпох и до завоевания Цезарем Галлии. Будучи по существу компилятором, Диодор также был и великим путешественником и пересек большую часть Европы и Азии, собирая материалы для своей работы. Описывая географию восточной области Атлантики в четвертой главе своей третьей книги, Диодор утверждает, что амазонки Африки были гораздо древнее и известнее амазонок Понта из Малой Азии. Но они не были единственной расой воинственных женщин, населяющих африканскую землю, другими были горгоны, почти столь же известные своей храбростью и доблестью. Амазонки населяли остров Гесперия (Геспериды, или остров Геспера, вечерней звезды, сына Атласа, где под охраной дракона росли прославленные золотые яблоки или апельсины) на западе, близ болота Тритониды, названного так потому, что его пересекала река Тритон. Это болото граничит с Эфиопией, у подножия горы Атлас, которая простирается вплоть до океана. Употребляя настоящее время, я следую за Диодором.

Остров Гесперия, говорит он, очень большой, изобилующий всеми видами деревьев и плодов, стадами рогатого скота, овцами и козами. Но зерно, однако, неизвестно его жителям. Обуреваемые жаждой воинских почестей амазонки подчинили себе все города этого острова, за исключением одного – Мены, считавшегося священным и теперь населенного эфиопами-ихтиофагами, или пожирателями рыбы. Он часто опалается огнем, извергающимся из недр земли, и богат драгоценными камнями. Завоевав множество соседних африканских и нумидийских племен, амазонки основали большой город на месте болота Тритон, который за его очертания они называли Херсонес, или «город полуострова». Но, не остановившись на своих многочисленных завоеваниях, они вторглись в богатые земли горы Атлас, изобилующие великими городами, откуда сами боги вели свой род. Под командованием королевы Мерины армия, состоящая из 30-тысячной пехоты и 2000 всадниц, одетых в змеиные шкуры и вооруженных мечами, копьями и луками, с которыми они лучше всего умели обращаться, вторглась в Атлантиду и разбила жителей города Керкенеса. Они преследовали их буквально по пятам, вступили в город, взяв его штурмом, перебили всех мужчин, а женщин и детей взяли в плен. Оставшиеся общины Атлантиды, пораженные паническим страхом, немедленно подчинились. Затем Мерина заключила с ними союз, построила новый город вместо Керкенеса, назвав его собственным именем, и населила пленниками и другими жителями Атлантиды.

Жители Атлантиды, которых, видимо, поначалу ужаснула королева-воительница, ублажили ее богатыми подарками и почестями, что, кажется, смягчило ее сердце. Некоторое время спустя жители Атлантиды подверглись нападению горгон. Тогда Мерина по их просьбе вторглась в страну горгон, множество их истребила и 3000 взяла в плен. Уцелевшие сбежали в леса, которые Мерина пыталась поджечь. Но, оставив свое намерение, она вернулась в свои владения.

И амазонки, и Горгоны были впоследствии побеждены Персеем и Геркулесом. «Также имеются сведения, что в результате землетрясения океан поглотил все болото Тритон». Мерина же, однако, за время своего правления расширила свои завоевания на Малой Азии и островах Средиземноморья и заключила союз с Гором, царем Египта.

Диодор далее рассказывает об особенностях жителей Атлантиды и непостижимых утверждениях относительно генеалогии богов, которые, как он отмечает, мало чем отличаются от подобных сказаний греков.

Жители Атлантиды, как он сообщает, населяли богатую страну, граничащую с океаном, и были знамениты своим гостеприимством. Они хвастались, что боги были рождены среди них и что самый знаменитый из греческих поэтов подтвердил это, вложив в уста Геры слова: «На самой далекой окраине земли, что доступна моему взору, Тетис и старый Океан похваляются, что они родители богов».

Они утверждают⁸, что Уран был их первым царем и что он дал людям цивилизацию, заставив их жить в городах и возделывать землю. Он властвовал над большей частью мира, в особенности простирающуюся на запад и на север. Увлеченный астрологией, он предсказал много грядущих событий, ввел солнечный год и лунный месяц в качестве меры времени. Люди удивлялись и восхищались его мудростью, воздав ему божественные почести после смерти и назвав звездные небеса его именем.

Уран имел 45 детей от разных жен, и 18 из них от Титеи или Терры, которые стали известны как титаны, или люди Земли. Самыми известными из его дочерей были Базилея и Рея, или Пандора. Базилея была старшей из них, она так заботилась о своих братьях, что, прославившись как Великая Мать, и после ухода Урана всеобщей волей народа была избрана царицей. Она вышла замуж за своего брата Гипериона и родила ему Гелиоса и Селену, позднее ставших богами Солнца и Луны соответственно. Но прочие ее братья, боясь, что Гиперион может узурпировать трон, убили его и утопили младенца Гелиоса в реке Эридан, или По в Италии. Сестра его, Селена, страстно любившая брата, прыгнула с крыши своего дома и погибла. Базилея, узнав о гибели своих детей, потеряла рассудок. С растрепанными волосами, обвешанная украшениями, она бродила повсюду с тамбурином и кимвалом⁹, исторгая из них дикие звуки. Когда люди попытались утешить и успокоить ее, разразилась ужасная гроза с громом и молнией, и с тех пор ее больше никто не видел. Базилее и ее детям воздавались божеские почести на специально установленных церемониях, которые включали в себя игру на инструментах, на которых играла она уже в безумии, а также возведение алтарей и жертвоприношения. После смерти Гипериона дети Урана разделили царство между собой. Наиболее известными из них были Атлас и Сатурн. Атлас приобрел власть над страной, граничащей с океаном, и назвал людей, населяющих ее, атлантами, а самые большие горы Атласом, в свою честь. Подобно своему отцу Урану, он был мудрым астрологом и первым постиг строение небесной сферы, откуда и возникла легенда, будто он держал мир на своих плечах.

Наиболее знаменитым из его сыновей был Геспер, который пропал во время бури, когда наблюдал за движениями звезд с горы Атлас. Люди, оплакивая его судьбу, называли утреннюю звезду его именем.

Атлас имел также семь дочерей, которые были названы в честь своего отца атлантидами. Их имена были Майя, Электра, Тайгета, Астеропа, Халкилона и Келаено¹⁰. Их потомки были прародителями нескольких народов, как варварских, так и греческих. Атлантиды стали впоследствии созвездием Плеяд, и почитались как богини. Нимфы также часто назывались атлантидами, поскольку этим словом называли всех женщин в этой стране.

⁸ Диодор в этом фрагменте, кажется, говорит об Атлантиде как о реально существующем в его время государстве. Возможно, он подразумевает жителей района Атласских гор в Африке – на это как будто указывают некоторые места его рассказа; но что касается древнейших времен, то тут он повествует именно об Атлантиде, о южном континенте, а не об остатках его населения в Африке – это не подлежит никакому сомнению.

⁹ Кимвал – музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических чаш, издающих при ударе друг о друга резкий звенящий звук. (Примеч. пер.)

¹⁰ Здесь дается только шесть имен.

Сатурн, брат Атласа, был нечестивым и жадным. Женившись на своей сестре Рее, он взрастил сына Юпитера, которого не следует путать с Юпитером, братом Коэла, или Неба. Этот Юпитер или принял власть от своего отца Сатурна, царя атлантов, или же сверг его. Сатурн, как сообщают, развязал войну против своего сына при помощи титанов, но Юпитер поборол его в сражении и захватил целый мир. Таков полный перечень богов, упомянутых в записях атлантов.

Во второй главе своей четвертой книги Диодор возвращается к Атласу и к происхождению гесперид. В стране по имени Гесперия, говорит он, проживало два известных брата, Геспер и Атлас. Они владели стадом чрезвычайно красивых овец, медно-красного и золотистого цвета, из-за которого поэты говорят о них как о «золотых яблоках»¹¹.

Гесперис, дочь Геспера, вышла замуж за своего брата, Атласа, и вырастила семь дочерей, атлантид, называемых также в честь матери гесперидами. Бусирис, царь Египта, влюбился в девушек и послал множество пиратов, чтобы захватить их. Но Геркулес перехватил морских разбойников и спас молодых женщин, вернув их отцу. В благодарность Атлас обучил его искусству астрологии. Эту историю греки превратили в легенду о том, как Геркулес на время освободил Атласа от его бремени, взвалив на небесный свод собственные плечи.

В другом месте, в четвертой главе пятой книги, Диодор сдержанно подтверждает слова Платона относительно погружения под воду части Греческого полуострова. Он заявляет, что греческое побережье напротив островов Родос и Кос пострадало от Девкалионова потопа, который произошел в седьмом поколении. Этот потоп принес «тягостные и печальные бедствия: долго гнили плоды земли, свирепствовал голод, эпидемии заражали воздух, разоряя и опустошая города».

Диодор в своей пятой книге также сообщает об острове в Атлантике, обнаруженном некими финикийскими мореплавателями, которые плыли вдоль западного побережья Африки и были отнесены сильным ветром в океан. Возвратившись, они поведали о такой красоте и богатстве острова, что тирренцы, добившиеся господства на море, вознамерились захватить новые земли, но им помешало сопротивление карфагенян. Диодор не упоминает названия острова, и в отличие от повествования Платона речь у него идет о все еще существующем острове. По свидетельству Павсания, Эвфемус поведал ему, как во время плавания был брошен сильным ветром в открытое море, «где люди больше не плавают; что он попал на пустынные острова, населенные хвостатыми дикарями. Моряки, побывавшие в тех краях, называли их сатирами, а острова Сатиридами». Некоторые считают, что это были обезьяны. Возможно, и весь этот рассказ был всего лишь розыгрышем, шуткой над почтенным путешественником.

Страбон (род. в 54 г. до н. э), ссылаясь на авторитет Теопомпа и Аполлодора, упоминает в своей седьмой книге ту же самую легенду, называя остров Меропом, а его жителей меропами. Он также ссылается во второй книге на Посидония (предположительно 151-135 гг. до н. э.), полагавшего, что, поскольку земля, как известно, меняет высоту, рассказ Платона нельзя считать чистой выдумкой и что такой континент, как Атлантида, мог бы в действительности существовать, а потом исчезнуть. Этот фрагмент звучит следующим образом: «Посейдоний в своем труде правильно отмечает, что земля иногда повышается и оседает, изменяет свой облик из-за землетрясений и тому подобных явлений, которые я уже перечислил. И в этом месте он считает нужным процитировать утверждение Платона, что, возможно, история об острове Атлантида – не выдумка. По словам Платона, Солон расспросил египетских жрецов и узнал, что Атлантида действительно существовала, но исчезла – это был остров, размером не уступающий континенту. Посейдоний склонен решать этот вопрос именно так, а не говорить, будто Атлантиду заставил исчезнуть тот, кто ее выдумал, как это сделал поэт, воспевший страну ахейцев».

¹¹ По-гречески яблоко и овца называются одним словом «мелон».

Помпонию Мела (род. в 80 г. н. э.) явно подтверждает в своей первой книге существование такого острова, как Атлантида, но располагает его в южной умеренной зоне.

Теопомп из Хиоса, греческий историк IV столетия до н. э., ни одна из работ которого не дошла до нашего времени, за исключением фрагментов, представленных в «*Varia Historia*» Аэлиана, компилятора III столетия нашей эры, ссылается на повествование об области Атлантики, рассказанное сатиром Силеном, слугой Дионисия, Мидасу, царю Фригии, захватившему его врасплох, когда он был пьян, и выудившему из него много древней мудрости. «Силен, – говорит Теопомп, – рассказал Мидасу о неких островах, именуемых Европа, Азия и Ливия, омываемых океаном. Выболтав этот секрет, он поведал, что за пределами этого мира простирается целый континент или обширный участок суши, в величии своем бесконечный и неизмеримый, и что земля эта вскармливает на своих зеленых лугах и пастбищах множество больших, могучих животных. Люди, населяющие эту страну, более чем вдвое выше человеческого роста, и даже продолжительность их жизни не равна нашей».

О большом континенте Сатурния упоминается и в приписанном Плутарху диалоге «О лице, являющемся на Лунном шаре», опубликованном вместе с его «Моралью». В нем сообщается, что «есть такой остров Огигия, лежащий в пределах Океана, приблизительно в пяти днях плавания на запад от Британии, а прежде него расположены три других острова на равном расстоянии друг от друга, а также и далее от него на северо-запад, там, где садится летнее солнце. На одном из них варвары придумывают небывлицы о Сатурне, заключенном в тюрьму Зевсом». Соседнее море было известно как Сатурния, и континент, который замыкал кольцо земель вокруг этого великого моря, был отдален от Огигии приблизительно на пять тысяч стадиев, но от других островов не столь далеко. Примерно на широте Каспийского моря у этого континента была бухта, заселенная греками, которые раз в тридцать лет посылали людей в услужение заключенному в тюрьму Сатурну. Один из них посетил большой остров, как они назвали Европу, и от него рассказчик узнал много интересного и таинственного, особенно о состоянии души после смерти.

Прокл сообщает, что Марселл – автор, о котором почти ничего неизвестно, – в труде под названием «История Эфиопии» говорит о десяти островах, расположенных в Атлантическом океане, недалеко от Европы. Он рассказывает, что жители этих островов сохранили память о гораздо большем острове, Атлантида, который долгое время господствовал над ними. Семь островов, по его словам, были посвящены Прозерпине, а один из трех оставшихся – Плутону, другой – Аммону и третий, длиной в тысячу стадиев, – Посейдону.

Арнобий, христианский апологет из города Сикки в Африке, живший в IV столетии н. э., в своей первой книге говорит: «...поройтесь в исторических свидетельствах, записанных на разных языках, и вы узнаете, что нет такой страны, которая время от времени не опустошала бы и не теряла своих жителей. Нет такого урожая, который не пожирала бы саранча и мыши; посмотрите ваши собственные хроники, и вы узнаете, как часто в прежние времена случались эпидемии и как часто люди изнемогали от ужасающей бедности. Мощные землетрясения разрушали города. Ну и что?! Разве прошлые времена не оставили свидетельств того, как целые города с их населением проваливались в подземную бездну? Или они наслаждались жизнью, свободной от таких бедствий?»

А когда человечество было буквально смыто наводнением? Не было ли этого до нас? А когда мир был сожжен и от него остались угли и пепел? Не было ли этого до нас? Когда самые большие города были поглощены морской пучиной? Не было ли этого до нас? Когда затевались настоящие войны с дикими животными, сражения со львами? Не было ли этого до нас? Когда целые племена вымирали из-за ядовитых змей? Не было ли этого до нас? Раз уж вы привыкли видеть в нас причину частых войн, опустошений городов, нашествия германцев и скифов, то я позволю себе, с вашего разрешения, сказать следующее: в своем рвении оклеветать нас (христиан) вы не видите реальной причины того, о чем говорите.

Разве мы виноваты в том, что десять тысяч лет назад неисчислимые орды вырвались с острова, именуемого Атлантидой Нептуна, как сообщает нам об этом Платон, и до основания разрушили и стерли с лица земли множество племен?»

Ко всему этому можно добавить краткое резюме оставшихся классических данных об Атлантиде. Плиний Старший во второй книге своего «Естествознания» выражает сомнение в подлинности предания о ней, но Филон Иудей¹², придерживающийся философии платонизма, в своей работе «Неразрушимость мира» передал повествование во всей его полноте, основываясь на словах своего великого учителя. Лонгин полагал, что эпизод в «Тимее», посвященный Атлантиде, был просто литературной завитушкой, не несущей ни исторической правды, ни философского значения. Сириан, учитель Прокла, считал этот рассказ исторически точным и символическим для догматической философии. Амелий видел в нем противостояние неподвижных звезд и планет, Нумений – противоборство добра и зла. Ориген, один из отцов Церкви, тоже увидел в рассказе аллегорию постоянной войны между духами добра и зла. Порфирий углядел в нем борьбу между плотью и духом. Ямвлих находил в его обстоятельствах поразительное сходство с войной между греками и персами, борьбой богов и титанов, битвой Осириса с Тифоном или Сетом, иными словами, с непрерывным противостоянием хаоса и порядка, дуальности и единства.

Позиция Александрийской школы в отношении рассказа Платона отражена в восемнадцатой книге Аммиана Марцеллина, который упоминает о разрушении Атлантиды как об историческом факте. Византийский географ Косьма Индикоплов в своей «Христианской топографии» включает Атлантиду в составленную им космографическую систему, но изменяет некоторые частности в соответствии со Священным Писанием. Он полагал, что земля – плоская и что обширный материк окружен океаном. На этом континенте впервые появился человек, и, утверждая существование этого континента, Косьма Индикоплов ссылается на авторитет «Тимея». Рассказ Платона, как он думал, был наследием древней Моисеевой традиции, но Атлантиду нужно искать на востоке – это была земля десяти поколений Ноя. Что же касается более поздних времен, то Серран в 1578 году объявил, что он обнаружил в Моисеевых писаниях «сезам» к камню, который блокировал вход в лабиринт Атлантиды. Намек страстно воодушевил Хьюэта, Бошара и Воссия, и нетерпеливая тройка своим остроумным, но ошибочным истолкованием Пятикнижия смутила доверчивых современников, приняв остров Платона за землю библейских патриархов.

Но какую бы популярность ни завоевали их заключения, Мэтью Оливье, влиятельному марсельскому адвокату, казалось, что они упустили самую суть главного аргумента Серрана. Подробнее останавливаясь на теории своего учителя, Оливье поместил Атлантиду непосредственно в саму Палестину, достаточно логично предположив, что если библейские патриархи были в действительности жителями Атлантиды, а исторически они, как известно, населяли Святую землю, то эта самая область и должна быть, вне всякого сомнения, Атлантидой! Четверть столетия спустя, в 1754 году, Эвмений, ученый-швед, развивая представления Оливье, довел теорию до ее логического конца, полностью объяснив мифологию Атлантиды посредством древнееврейской истории. Ему, однако, предшествовал другой скандинав, даже более поразительной учености, – в 1692 году Олаус Рудбек издал свою удивительную «Atlantica», в невероятном приступе патриотизма заявив, что скорее уж норвежская «Эдда», чем Пятикнижие Моисея, содержит в себе истинную интерпретацию тайны Атлантиды. Для него Швеция и была Атлантидой, а Упсала столицей потаенной Утопии Платона. В четырех томах фоллианта он пытался доказать, что Скандинавский полуостров был не только центром, от которого произошла вся европейская цивилизация, но и источником, началом всемирной мифологии, а «Эдда» – лишь дошедший до нас ее фрагмент.

¹² Имеется в виду Филон Александрийский. (Примеч. пер.)

Теория северного местоположения Атлантиды умирает медленно. В действительности она все еще жива, например для М. Гаттефосса из Лиона, торжествующе утверждавшего ее в своем труде «*La Verité sur l'Atlantide*», изданном аж в 1923 году. Но у него был достойный предшественник в лице Бэйлли, современника Вольтера, который, подобно Рудбеку, стремился обнаружить Атлантиду на заледенелом севере. Незадолго до Бюффона он обнаружил идею, согласно которой «серединный огонь», который поддерживал температуру земли, просто охладился по прошествии веков. Ухватившись за это предложение, Бэйлли смело утверждал, что морозный ныне север прежде наслаждался почти тропическим климатом. По его мнению, северяне тех жарких времен и были атлантами Платона, которые после постепенного охлаждения этой области нашли прибежище в Азии, распространив среди ее народов свои научные знания и религию. В своей «Истории древней астрономии» и «Письмах об Атлантиде» Бэйлли использовал всю свою ученость, чтобы доказать, что Шпицберген, некогда плодородная и густонаселенная страна, и был в действительности истинной Атлантидой Платона. Его идея, как ни странно, стала своего рода легендой, и в некоторых частях Северной Европы все еще процветает предание о том, что где-то в окрестностях Северного полюса и вправду существуют плодородные долины. В действительности вера эта получила в последнее время новый импульс и вновь обрела надежду на жизнь благодаря утверждениям недавних исследователей американского Крайнего Севера, которые, не жалея красок, описали полные цветов и порхающих бабочек низменные долины в полярной области.

Бэйлли был прилежным учеником Эвфемера из Фессалии, он полагал, что весь этот миф имел историческое основание. Для него Атлас являлся реальным выдающимся астрономом, исследователем звездного неба и действительно существовавшим правителем – царем Шпицбергена-Атлантиды. Его гиперборейские атланты в конце концов после длительных миграций обосновались на равнинах Тартары. Наукообразной чепухи Бэйлли оказалось чересчур даже для тогдашнего несколько доверчивого Парижа, который сам в то время находился на грани человеческой катастрофы, даже более громадной, чем бедствие Атлантиды. В своих «*Lettre Americain*» граф де Корли ловко развил нелепости Бэйлли, выдав готовой на все публике теорию, согласно которой Атлантида была не чем иным, как непосредственно самим Американским континентом.

Даже невозмутимый Вольтер, не без иронии выражавший сомнение в существовании большого Атлантического континента, был несколько ошеломлен смелостью арктической гипотезы, которую хватющийся за соломинку Бэйлли весьма экстравагантно посвятил ему.

А еще в 1779 году Делисье де Салье в своей «Истории атлантов» предпринял научно обоснованную и целенаправленную попытку определить местоположение Атлантиды в другом месте. При помощи геологических данных де Салье попытался доказать, что в действительности Атлантида была расположена в обширном древнем море, которое прежде занимало участок Греции и большую часть Итальянского полуострова. Земной шар, как он считал, в древние времена был почти полностью покрыт водой, но со временем она испарилась, оставив после себя, однако, огромное море, объединившее Каспий с Персидским заливом и Индийский океан со Средиземноморьем. Посреди этих древних океанских просторов лежал Кавказ, и именно его де Салье идентифицировал с ранней Атлантидой. Отсюда мигрировали ее цивилизованные жители, один поток нашел свое прибежище непосредственно у гор Атласа, который тогда также был замкнутым субконтинентом, а другой направился в Среднюю Азию. В Атлантиде Платона де Салье опознал также Оигию Гомера, волшебный остров чаровницы Калипсо, расположенный «между Италией и Карфагеном» и, как он утверждал, разрушенный землетрясением, после которого от него уцелел лишь один фрагмент – Сардиния. Атлантов он называл «благодетелями человечества», а свою теорию «ключом к древней истории».

Немного позже Бартолли в своем труде «*Essai sur l'explication*», предложил гипотезу, на первый взгляд более скромную, но в действительности столь же причудливую. Солон, как он

утверждал, сочинил басню об Атлантиде и сделал ее объектом аллегорической и политической поэмы, в которой атланты представляли афинскую партию паралийцев. Платон, ухватившись за эту выдержку, адаптировал ее к более поздним событиям, таким, как пелопонесская война. Атланты Платона, осадившие Афины, были, согласно Бартолли, на самом деле персами, и вся история была не чем иным, как мифическим представлением их борьбы с Элладой и их заключительным ниспровержением.

Одинаково любопытными были попытки идентифицировать потерянную Атлантиду с Америкой. Трактаты на эту тему стали появляться вскоре после открытия Америки, и начиная с этого момента предпринимались удивительные попытки приложить название острова Платона к новому континенту. В 1553 году Гомара в своей «*Historia de las Indias*» решительно идентифицировал Америку с Атлантидой, а восемью годами позже Гильом де Постэль обратил внимание на сходство туземного названия Мексики – Ацтлан с именем Атлантиды, которой он отводил место в Новом Свете. Бэкон в своей «*Новой Атлантиде*» также отождествлял Америку с островом Платона, хотя, конечно, больше в духе вымысла, как и сэр Дж. М. Барри. Во всяком случае, он помещает Атлантиду в Тихий океан. И кажется не столь уж невероятным, что Шекспир, помещая действие своей «*Бури*» на фантастический остров в Атлантике, кое-что помнил об истории Атлантиды.

Но французские географы, Никола и Гильом Сосоны, ни в коем случае не прибегали к умышленно фантастическим методам. В 1689 году они издали атлас, представляющий примитивные географические очертания Америки, с разделением ее между десятью королевскими семействами, произошедшими от Посейдона, отца Атласа, и показывающий те части Старого Света, которые, согласно истории Платона, колонизировали атланты. Позже, в 1762 году, Робер де Вогуди издал подобный атлас в подтверждение теории Сосонов, чем навлек на себя грубые и безудержные насмешки Вольтера. Даже Штальбаум, серьезный критик платоновского «*Тимея*» и «*Крития*», поддержал идентификацию Америки с Атлантидой и считал вполне вероятным, что древние египтяне знали Западный континент.

Харль в своей «*Bibliotheca Groeca*» выступал против американской теории, и Гумбольдт в своем «*Examen Critique*» расценил этот вариант как невероятный, хотя и полагал, что Солон в действительности перенял эту историю из Египта. Среди других современных авторов Бюффон, Гингуен, Мендел и Рейналь не выступали против самой идеи существования Атлантиды, а Атанасиус Кирхер Бекман, Женебро и Фортия д'Урбан полностью с ней соглашались. Бодело, Турн-форт, д'Энжель, Кади, де ла Борде и Бори де Сен-Венсан были ее яркими защитниками.

Многие из этих более поздних авторов соглашались с тем, что Атлантида в действительности когда-то существовала, как указывал Платон, но расходились в понимании связанных с ней конкретных обстоятельств и событий, а также чудес, описанных Платоном. Некоторые из них стремились объяснять имена упомянутых им божеств чисто символически или же как персонификацию элементов космогонии. Некоторые из них считали десять царей Атлантиды представителями десяти великих предшествующих потопу эпох и утверждали, что история Атлантиды была на самом деле аллегорическим рассказом о ранней истории человечества. Кирхер, Гингуен, Мендел и другие полагали, что Атлантические острова были остатком затонувшего континента, и Бюффон считал, что Ирландия, Азорские острова и Америка когда-то были частью платоновского большого материка. Де ла Бордэ включил Молуккские острова, Новую Зеландию и другие отдаленные архипелаги в изначальные границы Атлантического континента, а Энжел и граф де Корли со знанием дела упорно утверждали, что Атлантида с одной стороны граничила с Европой и Африкой, с другой – с Америкой. Согласно им, человек прошел от Старого Света до Нового через своеобразный «атлантический мост», погружение которого разрушило древнюю связь между двумя континентами.

Глава 3. Изучение исторических источников об Атлантиде

Перед тем как нам продвинуться дальше, необходимо подвергнуть тщательному изучению находящиеся в нашем распоряжении источники об Атлантиде, учитывая при этом как их историческую достоверность, так и содержащиеся в них конкретные факты. Что касается рассказа Платона, то многие из его комментаторов, от Прокла до Джоветта, высказали мнение, что это была всего лишь басня, «благородная ложь», изобретенная Платоном. «Мне кажется, – говорит Арчер Хинт, – что невозможно определить, выдумал ли Платон всю эту историю с начала до конца, или же она действительно представляет в большей или меньшей степени некую египетскую легенду, принесенную на родину Солоном». В другом месте он отмечает невероятность этой истории. Еще он упрекает Штальбаума, разделившего неверное, по его мнению, истолкование платоновского повествования Проклом, который утверждал, что этот рассказ – «не простой плод воображения, а изложение фактов, которые в действительности произошли». Платон же чрезвычайно ясен в этом моменте. В «Тимее» он делает акцент на историческую достоверность своего рассказа сразу в нескольких местах. Повествование, – как он говорит, – удивительно, но все же совершенно правдиво». Солон и вправду намеревался сделать его сюжетом эпической поэмы, Критий помнил историю очень ясно, слышав ее еще ребенком, и она неизгладимо запечатлелась в его памяти «подобно выжженным картинкам» на глиняных плитках. Он заставил Сократа в «Тимее» сказать следующее: «Дело в том, что это не выдуманный рассказ, но истинная история, что очень важно». В «Критии» Платон далее заставляет своего героя говорить, что у его прапрадеда рассказ об Атлантиде был записан. Таким образом, Платон особенно подчеркивал историческую достоверность этого рассказа.

Факт посещения Солоном Египта также кажется несомненным. Плутарх в своей «Жизни Солона» и «De Iside et Osiride» утверждает, что Солон посетил Египет и говорил со жрецом Сончисом в Саисе. Именно таково, согласно Клементу Александрийскому, было имя жреца, обучавшего Пифагора египетской науке. Прокл в своем трактате, посвященном Тимею, сообщает, что Платон также посетил Египет и беседовал в Саисе со жрецом Патенеитом, а в Гелиополе со жрецом Очлапи и в Себенните со жрецом Этимомом. Он упоминает также, что Патенеит, несомненно, тот самый жрец, на которого ссылался Платон в «Тимее».

В «Критии» говорится, что Солон написал большую эпическую поэму об Атлантиде и что его высказывания об этой истории дошли до молодого Крития. Он узнал их от своего дедушки, Крития, сын Дропида. Этот второй Критий, согласно генеалогии, сохраненной Проклом, был кузеном матери Платона. Аст и Кляйн в своих критических анализах работ Платона считают, что именно он впервые принес рассказы об Атлантиде из Египта. Плутарх явно поддерживает утверждение Платона, что Солон намеревался написать поэму об Атлантиде, но был вынужден отказаться от этого намерения из-за своего преклонного возраста. В «Тимее» Платон красноречиво выражает свое сожаление по поводу того, что он так и не осуществил свой замысел. Мартин в своей «Dissertation sur l'Atlantide» высказал обоснованное предположение, что Платон, осознавая свое родство с Солоном, благородно попытался выполнить намерение родственника и для этой цели использовал дошедший до него материал, положив его в основу своего рассказа.

Крантор, который умер тридцатью тремя годами позже Платона и был одним из наиболее известных его комментаторов, заявляет, что в его время египетские жрецы показывали грекам некие колонны или столбы, на которых, как они уверяли, была записана история Атлантиды. И разумеется, хорошо известно, что Саис, где Солон услышал историю об Атлантиде, был тесно связан с Грецией. На самом деле это был центр греческой культуры. В период своего

наибольшего расцвета, где-то между 697-524 годом до н. э., один из его властителей, Псамметик, удерживался на троне при помощи греческих наемников. Он дал своим сыновьям греческое образование и поощрял греков приезжать в его город. Сближению Саиса и Афин особенно способствовало их поклонение одному и тому же божеству – Нейт-Афине. Отсюда возникло предположение, что Кекроп¹³ был главой колонии саитов в Афинах. Жрецы Саиса, кажется, действительно заискивали перед афинянами, обнаруживая похожие черты между аттическими и египетскими социальными учреждениями. В Саисе даже существовал отдельный греческий квартал. Эллинский элемент в Саисе был настолько силен, что ходили даже споры о том, кто кого колонизировал – саиты Аттику или афиняне Саис.

Если жрецы Саиса и вправду передали историю Атлантиды Солону, они почти наверняка должны были рассказать ее многим другим грекам, с которыми поддерживали постоянный контакт. Отсутствие какого-либо другого подтверждения этой предполагаемой передачи информации неудивительно, если мы примем во внимание то, что контактировали они в основном с эллинскими торговцами. Но если рассказ Платона не был унаследован от Солона и имел египетское, но не саисское происхождение, то его могли бы опровергнуть тысячи греков, и это опровержение обязательно достигло бы Афин, принимая во внимание чрезвычайный интерес, вызванный повествованием Платона в античном мире.

Рассматривая совершенно иной аспект платоновской истории, можно только удивляться, насколько точно обстоятельства его повествования совпадают с данными археологии, сообщаемой нам о происхождении цивилизации ранней Европы. Это обстоятельство будет рассмотрено в деталях позже. Здесь достаточно сказать, что приблизительная дата вторжения с Атлантиды, указанная Платоном, согласуется со временем переселения азийско-тарденозианских народов – предков иберийской расы – в Европу и в те европейские и африканские области, которые он считал подвластными Атлантиде. «Ливия до Египта и Европа до границ Этрурии» точно являются теми регионами, в которых протоиберийцы обрели родину.

В «Тимее» утверждается, что Афины освободили Европу от тирании Атлантиды. Совершенно очевидно, что в то время (9600 г. до н. э.) не было никаких Афин, на которые ссылается Платон. Эта дата отстоит на тысячи лет от первой египетской династии, и все относящиеся к этому периоду находки на месте Афин – всего лишь немного глиняных черепков времен неолита или нового каменного века. Тем не менее, как мы видим, Европа и Африка вовсе не находились тогда в состоянии презренного варварства, и вполне возможно, что смутные воспоминания о сопротивлении, оказанном местными жителями надвигающимся ордам протоиберийцев, сохранились в веках.

«Но позднее, – заметил египетский собеседник Солона, – когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом исчезла и Атлантида, погрузившись в пучину». Здесь необходимо отметить, что греки подверглись разрушительному действию подземной стихии, а жители Атлантиды – морской, и этот фрагмент дает нам ключ к пониманию действительно исторического характера повествования Платона. Афина Паллада, богиня-покровительница Афин, была заклятым врагом Посейдона, основателя Атлантиды и ее божества-эпонима. Борьба между Афиной и Посейдоном за владение Аттикой широко освещена в греческой мифологии. Один из древних комментаторов Платона утверждает, что победа афинян над атлантами была изображена на символическом пеплуме – одеянии, которое подносили богине на Малых Панафинеях, празднике в ее честь. Отсюда можно сделать вывод, что битва между афинянами, людьми Афины, и атлантами, народом Посейдона, или Нептуна, бога моря, имела для первых реальный исторический характер, сохраненный в народной памяти. Попутно заметим, что Панафинеи были основаны по крайней мере за 125 лет до Платона.

¹³ Кекроп – мифологический основатель Афин. (Примеч. ред.)

Таким образом, если мы принимаем на веру утверждение комментатора о войне между афинянами и атлантами, мифологической или же исторической, должно было быть хорошо известно афинянам более чем за столетие до Платона; и это сразу опровергает расхожее предположение, будто он сам сочинил эту историю.

«В то, что рассказ был *полностью* выдержкой Платона, – отмечает проницательный Филипп Смит в своей статье «Атлантида» в «Словаре греческой и римской географии» Уильяма Смита, – верится с трудом. Эта легенда найдена и в других формах, и непохоже, чтобы они были скопированы с Платона». Все это напоминает нам о цитате Страбона из Посидония, согласно которой разумнее верить, что Атлантида некогда существовала и затонула, чем говорить, будто «ее создатель заставил ее исчезнуть».

Если утверждение относительно пеплума истинно, то можно предположить, что Платон просто положил местный миф в основу своего рассказа. Почему же тогда он акцентировал внимание на истинности этого повествования и почему ссылался на египетский источник? Совершенно очевидно, что Платон должен был знать об афинской версии предания, изображенной на пеплуме. Он мало говорит о ее местном признании, хотя он, должно быть, хорошо знал, что история имела непосредственное отношение к празднику Панафиней, и возможно поэтому он расценивал знание афинян об этих событиях как общеизвестное и бесполезное для упоминания. В диалоге «Тимей» Сократ говорит, что этот рассказ особенно подходит для праздника богини и что Платон знал об его связи с праздником Панафиней.

Возможно, он сделал акцент на египетскую версию, чтобы придать рассказу более древний колорит. Для подтверждения того, что неосведомленному человеку могло показаться обычным местным преданием, не имеющим никакого исторического свидетельства, которое без сопоставления с египетскими сведениями могло бы быть принято за сказку. Действительно, вполне возможно, что Платон именно намеревался проиллюстрировать таким образом свои политические идеи.

Помятуя о борьбе между Афиной Палладой и Посейдоном, которая, судя по всему, имела определенное отношение к греческой легенде об Атлантиде, мы вряд ли удивимся заметке в «Окультурном обзоре» за сентябрь 1923 года, где сообщается об обнаруженных в «Одиссее» Гомера дополнительных свидетельствах причастности Атлантиды к этой мифологической вражде. Возвращаясь из-под Трои, Одиссей высаживается на острове Циклопов, и только отчаянными усилиями ему удастся избежать опасности. Действительно, как пишет автор статьи: «В «Одиссее» Гомер рассказывает о герое, чьи скитания и приключения на самом деле были одной длительной борьбой с Посейдоном, то есть с божеством Атлантиды». На острове Огигия, где он оказался пленником чаровницы Калипсо, дочери волшебника Атласа, ему помогает Афина, взявшая его под свою защиту. Здесь мы снова еще раз обнаруживаем противостояние афинской богини с божеством Атлантиды, и на сей раз это обстоятельство, более чем что-либо иное, проливает свет на ссору с Атлантидой. Таким образом, мы видим, что Афина Паллада находится в двойной связи с персонажами, представляющими Атлантиду. Тот факт, что она встает на сторону Одиссея против Посейдона – бога Атлантиды – и против его внучки, Калипсо, дочери Атласа, усиливает предположение о ее связи с переданным выше мифом об Атлантиде.

А фраза – «с тех пор и по сей день море в этих местах несудоходно и недоступно из-за обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров», – многократно подтверждается многими античными авторами. Скилакс из Карианды, писавший еще до Александра Великого, приблизительно в одно время с Платоном, утверждает в своем «Periplus», что Керн, остров близ Атлантического побережья Африки, «находится в двенадцати днях плавания за Геракловыми столпами, в месте уже не судоходном из-за мелководья, грязи и морских водорослей. Морская водоросль там шириной с ладонь, и к тому же она острая и колючая».

Приблизительно в 500 году до н. э., выйдя из Карфагена на поиски неведомых стран, Гимилко отделился от Ганно и, согласно поэту Фесту Авиену, столкнулся «с водорослями, мелководьем, штилем и прочими опасностями в Атлантике». Авиен писал об этом примерно в IV столетии н. э., но уверял при этом, что всего лишь повторил рассказ Гимилко. Он писал: «Даже слабое дуновение не подгоняет корабль вперед, настолько слаб ветер этого спокойного моря. Он (Гимилко) также добавляет, что среди волн там очень много морских водорослей, часто тормозящих судно. Он говорит, что море неглубоко и что поверхность земли лишь слегка покрыта водой. Вокруг них снуют морские чудовища, и дикие звери плавают среди вялых, медленно движущихся судов». В другом месте Авиен добавляет: «Дальше на запад от этих столпов расположено бескрайнее море». Гимилко упоминает здесь, что... «ни один корабль не плавает в этих водах, потому что нет ветра, подгоняющего корабли... а еще потому, что завеса тьмы скрывает дневной свет и туман всегда прячет море от взора».

Аристотель в своей «Meteorologica», также отмечает, что море за Геракловыми столпами было грязно, мелко и почти не возмущаемо ветрами. Аристотель был в свое время учеником Платона, и это, кажется, служит лучшим доказательством того, что утверждение последнего основано на хорошо доступной информации, скорее всего представленной финикийскими или греческими моряками.

Помимо этого классического свидетельства о несудоходности Атлантики, мы имеем данные, датируемые значительно более поздним периодом. По свидетельству арабского автора Эдриси, некие мавританские моряки из Лисабона, отправившиеся в плавание через Атлантику в поисках земли где-то между VIII и XII столетиями, столкнулись с несудоходностью океана и были вынуждены изменить свой маршрут, достигнув в итоге одного из Канарских островов. Карта Пизигани 1367 года также имела пометки, настоятельно не рекомендуемые попытаться переплыть несудоходный участок океана за Азорскими островами, вблизи Саргассова моря.

Теперь мы переходим к разбору «Крития». Прежде всего удивляет утверждение Крития, что жрецы Саиса уже придали именам атлантов египетское звучание и что он (Критий) был вынужден перевести их на греческий. Если бы эта история была выдумана, он вряд ли бы взял на себя труд прояснять эту деталь. Однако сложно себе представить, как такие имена, Посейдон или Атлас, могли бы быть переведены на египетский. У египтян не было божества, соответствующего Посейдону, а также никого, кого можно было бы сравнить с Атласом, держателем Земли.

Однако божества, упомянутые в рассказе Диодора, вполне могли бы иметь и египетское воплощение, и вполне могло бы оказаться, что Критий или даже сам Платон просто вернулись к именам, известным им по местной, афинской версии истории Атлантиды, связанной с Панафиониями. Это вполне объясняет появление в рассказе Посейдона, который, согласно мифу, был близко связан с Афиной Палладой, покровительницей города. Единственное из имен сынов Посейдона, дошедшее до нас в атлантической версии, – это Гадир, который имел в своем владении часть острова возле Геракловых столпов, и эта его часть с тех пор носила имя Гадирической. Это имя соответствует классическому названию района Кадис в Испании, что указывает на близость соседства берегов Испании и Атлантиды.

Топографические детали я намереваюсь обсудить в главе, посвященной географии Атлантиды. Здесь же уместно будет отметить мелкие, но от этого не менее удивительные штрихи. Климат Атлантиды, как явствует из рассказа Платона, представляется очень похожим на климат Канарских островов, но два обстоятельства придают ему отчетливо африканский характер: большие стада слонов, что бродили по болотам, и произрастающий там «плод с твердой коркой», дающий и мякоть, и питье, и масло. Это может относиться только к кокосу. Немало суждений высказано как за, так и против этих фактов. Обитание слонов – современников человека в Южной Европе – археологи обычно считают «недоказанным», но тем не менее

нет веских причин сомневаться в недавнем существовании слонов в климатически подходящей для них местности, возможно – африканского типа.

Поскольку правительство и религия Атлантиды будут также рассмотрены отдельно, здесь мы не будем анализировать относящиеся к ним фрагменты рассказа Платона. Но все же вскользь отметим, что наблюдения Платона и о том и о другом не противоречат тому, что мы знаем о ранней азилийской цивилизации в Испании и в Южной Франции. В этих областях поклонялись быку, и описанная Платоном церемония, сопровождающая жертвоприношение, могла бы быть хорошей иллюстрацией к некоторым гуманным фольклорным преданиям о варварских обрядах азилийской эпохи. Кое-какие детали этого обряда сохранились до «классических» времен в бое быков. Бычья травля даже в Англии длительное время, вплоть до начала XVIII столетия, имела полурелигиозное значение и была связана с ритуалом, несомненно, языческого происхождения. То, что она выжила в другой части Европы, может быть также легко показано.

Рассказ Платона об Атлантиде обрывается на полуслове – он остался незаконченным, вероятно из-за смерти автора. Вне всякого сомнения, он ставил себе цель проиллюстрировать свою модель идеального государства. Но было бы неправильно считать, что он написал этот рассказ только для этого. Совершенно естественно, что его второстепенные детали имеют греческий или персидский вид, но совсем не обязательно на этом основании считать, что он задумал этот рассказ только как аллегорию персидской войны, как это многократно утверждалось. В действительности многие из его деталей – например островное и морское положение Атлантиды – делают эту теорию довольно-таки неправдоподобной. Но рассматриваемый в целом рассказ Платона является сам по себе лучшим опровержением такого предположения.

Рассказ Диодора поднимает совершенно иной пласт проблем. Например, он побуждает нас задумываться о том, какое отношение к истории Атлантиды имеет греческий миф о Гесперидах. Диодор размещает Атлантиду на западном побережье Африки, в любом случае он «граничит с океаном», но не определяется именно как остров. На самом деле остров Гесперия, населенный амазонками, географически в большей степени соответствует деталям рассказа Платона, за исключением того, что на острове не растет хлеб. Вулканический по природе и подверженный землетрясениям, он богат плодовыми деревьями, стадами овец и коз, так же как и Канарские острова в наши дни.

Но мне думается, что в описании амазонок можно разглядеть сходство с людьми азилийской расы, которые вторглись в Европу приблизительно десять тысяч лет назад, если судить по до сих пор сохранившимся наскальным росписям в пещерах. Эти люди – прародители иберийцев и изобретатели лука. Их женоподобная внешность, манера укладывать волосы в прическу в форме короны, возможно, воспринималась их врагами как проявление женственности. История Атлантиды, как излагает Диодор, может быть понята только в сравнении с элементами греческой мифологии. Сообщение Диодора, что Атлантический остров был поглощен морем, – ценное подтверждение того факта, что спустя почти четыре столетия после Платона вера в затопление определенного региона Атлантики была все еще широко распространена. Мы не должны также игнорировать мнение такого сравнительно раннего автора, как Посидоний, согласно которому рассказ Платона не следует считать беллетристической, поскольку земля, как известно, подвергалась изменениям. Его точку зрения разделял Страбон, и это показывает, что уже в позднюю дохристианскую эру зародился геологический аргумент в поддержку теории Атлантиды.

И действительно, Филипп Смит в цитированном исследовании пишет: «Те, кто расценивает ее (историю Атлантиды) как чистый вымысел, приписывают ее происхождение очень древнему преданию, имеющемуся еще у Гомера и Гесиода, – оно повествует, что духи умерших героев жили на крайнем западе за рекой Океан, за пределами населенной земли. Весьма вероятно, что невообразимое процветание и счастье Атлантиды было до некоторой степени

связано с их поэтическими представлениями о этом крае, – острова, фактически обнаруженные за побережьем Африки, были названы островами Блаженных. Но тем не менее важные фрагменты легенды так и остались необъясненными: ее мифологический характер, ее происхождение от египетских жрецов или из других восточных источников, а также наиболее значительная часть рассказа Платона: предполагаемый конфликт народов Атлантиды с народами Старого Света». Этот проницательный писатель в своих замечаниях зрит в корень проблемы. Он говорит, что, если вера в Атлантиду и в самом деле была мифологической, каким-то образом связанной с религией или просто вымышленной историей греков, сторонники этой теории не могут так просто заявлять это, а должны представить доказательства, *объясняющие ее мифологическое происхождение*. Нельзя, конечно, со стопроцентной уверенностью утверждать, что все предания основаны на достоверных фактах.

Народы полудивилизованные или варварские не пускались на сознательные выдумки и не утверждали, что острова Блаженных на западе были местом упокоения павших героев. Можно провести сотни мифов в доказательство того, что такие идеи на самом деле проистекают из западных регионов, откуда и шли ранние миграционные потоки. В связи со стоящей перед нами проблемой весьма любопытно заметить, что в некоторых захоронениях, уже упомянутых, черепа азилийских людей расположены так, что их лица смотрят на запад – знак того, что этому региону придавался особый сакральный смысл. Миф о войне между богами и титанами, как нам кажется, отвечает требованию Смита *предоставить доказательство, объясняющее мифологическое происхождение истории Атлантиды*.

Что же касается хронологии Платона, то можно доказать абсолютную ее неправдоподобность, если принять во внимание все обстоятельства азилийского вторжения в Европу. Вопрос об ошибочности датировки Платона недавно затронул М.Ф. Бутаван в работе «La véritable Histoire de L'Atlantide», где говорится: «Эта дата, конечно, ошибочна, поскольку в упомянутый период Греческая республика не существовала; цивилизация Египта не существовала; а утверждения жреца Саиса – неправдоподобны. Математический, и прежде всего хронологический аспект, затрагиваемый античными авторами, часто содержит ошибки, и мы в состоянии исправить их на примере с двумя известными ошибочными вычислениями. Народы Средиземноморья и многие другие одно время считали с помощью восьмеричной счетной системы (до начала использования десятичной системы). Авторы, передававшие древние предания, часто забывали адаптировать их к десятичной системе... Например, число девять выпадало, поскольку его просто не существовало в восьмеричной системе».

Насколько я могу судить, для этого утверждения вообще нет никакого фактического основания. Восьмеричная система, возможно, и впрямь использовалась в древней Европе, равно как и система, столь же несходная с десятичной, – в древней Америке, но я не вижу, какое это имеет отношение к хронологии Платона. Представляется более разумным утверждение Бутавана, что, по мнению Евдокса Книдского, который изучал астрономию в Египте и мог достаточно квалифицированно проверить рассказ жреца Саиса, Критий говорил о периоде, равном не девяти тысячам лет, а девяти тысячам месяцев. Это сместило бы дату основания Атлантиды приблизительно к 1400 годам до н. э. или к временам XIX династии в Египте. Но египетская система хронологии, именно на которой, судя по всему, должен быть основан рассказ Платона, была совершенно точно десятичной, а замена лет на месяцы в истории Атлантиды – это, несомненно, новый подход.

Глава 4. География Атлантиды

Сейчас мы будем рассматривать географию Атлантиды, ее местоположение и топографию. Они тесно связаны с вопросом: существовала она вообще или нет? Здесь мы имеем дело не с Грецией или Римом, Египтом или Ассирией, а с затонувшим континентом, само существование которого яростно отрицается в некоторых кругах. Таким образом, прежде чем делать выводы о географическом положении и природных особенностях Атлантиды на основе имеющихся в нашем распоряжении литературных источников, мы вынуждены изучить геологические доказательства ее существования. Чтобы мы могли обоснованно считать остров Атлантида подходящим объектом для исторического исследования, эти доказательства должны быть надлежащим образом продемонстрированы.

Геологические свидетельства существования Атлантиды обширны, и здесь мы лишь вкратце перечислим основные положения. Полностью об этом можно прочитать в моих прежних работах «Проблема Атлантиды» и «Атлантида в Америке». Здесь же я предполагаю рассмотреть только одну геологическую эпоху, имеющую строго определенное отношение к проблеме, это – четвертичный период, который охватывает плейстоцен, или ледниковый период, и отправная точка которого в практических целях, может быть отнесена приблизительно на пятьсот тысяч лет назад. Четвертичный период подразделяется на четыре ледниковые и одну постледниковую эпохи.

И только в этой постледниковой эпохе, которая началась приблизительно двадцать пять тысяч лет назад, в Европе могут быть обнаружены какие-либо биологические виды, приближающиеся к современному человеку. Таким образом, если мы собираемся найти Атлантиду, заселенную людьми, которых можно было бы считать современным нам типом, то нас должен интересовать период, ограниченный последними тысячами лет европейской истории. Может ли современная геология доказать вероятность существования Атлантиды в этот период?

М. Пьер Термье, директор по науке геологической хартии Франции, является одним из представителей растущей группы геологов, которые искренне верят, что большой Атлантический континент существовал в указанное время¹⁴. Вместе с постепенным накоплением новых свидетельств геологии и биологии Атлантического региона теория существования этого континента приобрела совершенно новую форму. Это свидетельство опирается не на туманные предположения провидцев и не на догматические утверждения любителей древности, которые сплетают словеса предания в некое подобие доказательств, а на соображения абсолютно рациональные и правдоподобные. То, что Атлантический континент в определенное время занимал океанский залив между Европой и Америкой, – научная истина, признанная всеми геологическими школами. Спорным до сих пор остается только вопрос о точном времени расцвета этого континента в геологической истории.

Дно Атлантики представляет собой наиболее нестабильный участок земной поверхности, сообщает М. Термье. Его восточная область – не что иное, как огромная вулканическая зона. В Евро-Африканской впадине Атлантики масса морских и островных вулканов. Острова здесь по большей части образованы лавой, и подобная же картина наблюдается в Американском и западном регионах. Крайняя западная зона Атлантики, охватывающая Исландию, Азорские острова, Канарские острова, Мадейру и острова Зеленого Мыса и достигающая в ширину приблизительно 1875 миль, как уверяют нас специалисты, все еще находится в движении. В любой точке этой области в любое время могут происходить незафиксированные подводные катаклизмы.

¹⁴ См. перевод его эссе в годичном отчете Смитсоновского института за 1915 год.

М. Термье верит, что некогда существовал Северный Атлантический континент, включавший в себя часть России, Скандинавию, Великобританию, остров Гренландия и Канаду, а позже к нему присоединилась южная полоса, состоявшая из большей части Центральной и Западной Европы и огромной части Соединенных Штатов. «Имелся также, – говорит он, – Южно-Атлантический, или Афро-Бразильский континент, тянувшийся на север до южной границы Атлантики и на восток до Персидского залива и Мозамбикского пролива, а на запад до восточной границы Анд и до горных цепей Колумбии и Венесуэлы. Между этими двумя континентами пролегла Средиземноморская впадина, которая сформировала своеобразную складку в земной коре еще в начале геологического периода, – ее глубокие отметины можно наблюдать в сегодняшнем Средиземноморье, Карибском море и в море Санда, или Флорес. Цепь гор, более широкая, чем Альпийская гряда и, возможно, местами столь же высокая, как величественные Гималаи, когда-то возвышалась на побережье Северного Атлантического континента, охватывая Вогезские горы, Центральное плато Франции, Бретань, юг Англии и Ирландии, а также Ньюфаундленд, Новую Шотландию и весь Аппалачский регион в Соединенных Штатах».

Конец этой континентальной эры, по мнению М. Термье, пришел во время третичного периода или в начале четвертичного, когда вся эта масса суши, окруженная на юге цепью гор, погрузилась под воду задолго до разрушения вулканической гряды, от которой ныне не осталось ничего, кроме Азорских островов. Южная часть Атлантического океана в течение сотен тысяч лет была занята великим континентом, теперь поглощенным морскими волнами. Вероятно, произошло несколько смещений впадины, более или менее удаленных друг от друга во времени. В Европе в третичном периоде это движение создало Альпийскую горную гряду. Насколько далеко простиралась эта горная гряда в Атлантический регион? Поднимались ли некоторые ее фрагменты достаточно высоко, чтобы на каком-то этапе выступать из воды? На этот вопрос М. Термье отвечает утвердительно.

Он верит, что геологическая конфигурация всего Атлантического региона поменялась в поздний период земной истории. Вторичный период характеризовался образованием многочисленных впадин, третичный стал свидетелем уничтожения континентальных областей, вследствие чего появилась новая геологическая формация, общее направление которой не пролегло с востока на запад, как прежде, а с севера на юг. Около африканского побережья, утверждает Термье, определенно происходили важные геологические движения в течение четвертичного периода, в то время, когда другие изменения, несомненно, имели место в океанской области. «С точки зрения геологии, – говорит он, – вероятность существования Атлантиды Платона очень высока... Резонно предположить, что много позже открытия Гибралтарского пролива некоторые из этих вышедших из воды земель все еще существовали, и среди них – изумительный остров, отделенный от Африканского континента цепью других меньших островов. Одну вещь все еще необходимо доказать – что катаклизм, уничтоживший этот остров, последовал уже после появления человека в Западной Европе. Катаклизм же бесспорен. Жили ли тогда люди, которые могли противостоять стихии и сохранить память о ней? Это самый главный вопрос. Я не верю в его неразрешимость, хотя мне кажется, что ни геология, ни зоология не решат его. Эти две науки, похоже, уже сказали все, что могли, и теперь я ожидаю окончательного ответа от антропологии, от этнографии и, наконец, от океанографии».

Критикуя эту точку зрения, профессор Шучерт пишет следующее: «Азорские острова – истинные вулканические и океанские острова, и почти наверняка можно сказать, что они никогда не имели связи с континентами по обе стороны Атлантического океана. Если есть какая-либо правда в волнующем рассказе Платона, то в поисках Атлантиды мы должны двигаться от западного побережья Африки. На пяти из островов Зеленого Мыса и на трех из Канарских островов мы обнаружим скалы, явно подобные тем, что часто встречаются на континентах. Учитывая также распространение на этих островах растений и животных, многие из которых

обладают свойствами, характерными для флоры и фауны позднего Европейско-Средиземноморского третичного периода, мы получим ясное указание на то, что Зеленый Мыс и Канарские острова – фрагменты великой Африки... Как доказать, что этот катаклизм и разрушение Западной Африки произошли так внезапно, как это описывает Платон, или что это произошло приблизительно десять тысяч лет назад, геологам пока еще неизвестно».

Профессор П.Ф. Шарфф из Дублина, который внес наиболее ценный вклад в исследования Атлантиды – больше, чем любой другой ныне живущий ученый, – заключает, что Мадейра и Азорские острова были связаны с Португалией в период миоцена или в более поздние времена третичного периода, когда человек уже оказался в Европе, и что от Марокко до Канарских островов и от них к Южной Америке протягивалась обширная полоса земли, которая простиралась на юг вплоть до острова Святой Елены. Этот большой континент, верит он, начал опускаться еще до миоцена. Но он считает, что его северные части сохранились до тех пор, пока Азорские острова и Мадейра не отделились от Европы. «Я верю, – говорит он, – что они все еще были соединены с континентами Европы и Африки в раннем плейстоцене (ледниковый период), в то время, когда человек уже появился в Западной Европе и был способен достигнуть островов посуху».

Среди современных геологов, поддерживающих теорию Атлантиды, – профессор Эдвард Халл, исследования которого позволили прийти к выводу, что Азорские острова – вершины затонувшего континента, который процветал в периоде плейстоцена. «Флора и фауна обоих полушарий, – говорит профессор Халл, – поддерживают геологическую гипотезу общего центра в Атлантике, где и зародились эти жизненные формы, и что в ледниковую эпоху и даже раньше большие сухопутные мосты, северный и южный, соединяли берега Атлантического океана». Он добавляет: «Я провел это исследование, основываясь на тщательном изучении данных зондирования, зарегистрированных на картах Адмиралтейства». Халл также придерживается мнения, что одновременно с этим Атлантическим континентом существовал еще большой Антильский континент, или горный хребет, отсекающий Карибское море и Мексиканский залив от того, что принято называть Гольфстримом.

Эти соображения, судя по всему, подтверждают мнение современных геологов, что дно Атлантики подвергалось постоянному изменению и что в действительности со времен последнего ледникового периода оно, возможно, повышалось и погружалось много раз, как заявил однажды сэр Уильям Доусон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.